Об Алексее, человеке Божьем

Во славном во городе Рыме,
При царе было при Онорие,
Жил человек благочестивый,
Великий Ефимьян-князь;
Супруга его Аглаида.
Жили они многия лета;
У них не́ было детища ни единого.
Великий славен Ефимьян-князь,
Со своей с супругой со княгиней,
Молилися Богу со слезами,
Со праведными со трудами,
Многия обещания творили,
Честные молебны служили,
У Господа милости просили:
«О Боже, Владыко, Царь небесный!
Услыши нашу молитву,
Увиди моленье,
Призри́ наше слезное рыданье!
Создай ты нам, Господи, чадо,
Единое чадо, молоденца!
Создай ты нам на погляденье,
При старости нам на сбереженье,
При смертном часу на помин душ!»
Услышал Господь Бог их молитву:
Создавал им Господь детища единое.
Аглаида во утробе поносила,
Понося ему чадо породила.
Великий славен Ефимьян-князь
Священника в дом свой призывает.
Княгине молитву давали,
А младенцу имя нарекали:
Нарекли ему имя святое,
Святое имя, Алексеем,
Божьим, светом, человеком.
Была в доме многая радость,

Всемирное всем веселье.
Алексей Божий стал семи лет,
Отдали его грамоте учити:
Скоро ему грамота далася,
Он скоро писать научился.
С семи лет он грамоте доволен[1].
Божественному рукописанью,
Ева́нгельскому, свет, толкованью.
Как будет Алексей в возрасте, в законе,
Поизволил его батюшко женити:
Избрал он по всему Рыму
Единую красную отроковицу,
Великого, царского рода.
Не хотелось Алексею жениться:
Хотелось ему Богу помолиться,
За мла́дыя лета потрудиться.
Он с батюшки воли не снимает:
«Не неволь меня, батюшко, жениться!
Пусти меня Богу помолиться,
Со младости лет Богу потрудиться!»
Здесь его отец не послушал;
А он своему отцу не поспо́рил.
Поехали Алексею за невестой;
Привезли Алексею невесту.
Жениться Алексей не помышляет,
На образ Спасителев взирает:
«Ты батюшко наш, Спас пречистый!
Не допусти до греха, до большого,
До тяжкого прегрешенья!»
Повели Алексея в божью церковь,
Златые венцы на них взлагали,
Златыми перстнями обручали,
Единую чару они распивали.
Из божьей из церкви их во палаты
К великому князю к Ефимьяну:
Сажали за столы дубо́вы,
За те ли за скатерти браны,
За те ли за ествы за саха́рны,
За те ли за пи́тья медовы́я.

Очень Алексей скучен-грустен.
Как возго́ворит батюшко Ефимьян-князь:
«Ой же ты, чадо моё возлю́бленное!
Что ты неве́село поступаешь?
Аль тебе княгиня не п’обычью?
Аль твоя обрученная не по нраву?»
Отцу Алексей Божий ответил:
«Великий ты князь Офимьяний!
Княгиня ты, матушка родная!
На что́ ж вы принуждали мя жениться?
Княгиня моя мне п’обычью,
Обручена моя мне по нраву.
На что́ принуждали мя жениться,
Не пустили Богу помолиться,
Со младости лет Богу потрудиться?»
Они первую, вторую еству воскуша́ли,
Из-за третьей еству восставали,
Со младо́й своей супругою с обручной;
Он Господу Богу помолился,
С батюшкой, с матушкой простился,
Он принял от них благословенье.
Во первыем часу было ночи,
Пошёл Алексей почивати
Во славные тихие покои,
Во те же во отхожие чертоги.
Един Алексей заключался.
Стал же святой во чертоге:
Че́стно же он Господу молился.
Егда домашние спать ложились,
Родители его приуснули,
Во шестом часу было ночи,
Он возго́ворит обру́чной-то княгине:
«Ой же ты, обру́чная княгиня!
Ты станешь ли со мною за един Богу молиться?
Проме́ж нас будет Святой Дух!»
Княгиня ему умолчала,
Никакого ответу не сказала.
Снял Алексей шелко́в пояс,
Со правой руки золо́т перстень:

Отдаёт обрученной княгине:
«Любезнейшая моя обру́чная супруга!
Храни сии вещи сердцевы́я!
Спасёт тебя Господь Владыко,
И Бог благословит славен дом твой,
И даст тебе царство небесное;
Да и будет Господь между нами.
Храни ты мои честны́е да́ры:
Вот тебе мой шёлков пояс,
Со пра́вой руки золо́т перстень!
Молися ты Господу, трудися,
За Алексея Божья человека!
А я пошёл во и́ншую[2] зе́млю,
За батюшкин грех помолиться,
За матушкин грех потрудиться!»
Супруга его промолчала,
Ни ответу, ни привету не сказала.
Пошёл Алексей во комо́ру;
Берёт он себе много злата,
Златотканую ризу, свет, вздевает.
Пошёл он из Рыму из граду,
И шёл он путём, свет, доро́гой.
Навстречу ему идёт нищий:
«Ты нищий, ты нищий брате!
Скинь свою нищенску одежду,
Возьми ты моё цветно платье,
А мне дай свою нищенску одежду!»
Он светлую ризу совлекает,
Сам ветхую одежду, свет, вздевает.
Великая[3] себя он изнуряет,
Христа ради подавает.
Подходит он ко синему ко морю:
На́ море погода становилась;
Становился тут на море кораблик.
Садился Алексей во кораблик,
Пущался на синее море.
Где не́ взялись буйные ветры,
Раскачали лёгкую лодку,
Понесли Алексея синим морем.

Приплыл Алексей во Оде́с-град,
Ко святой ко церкви ко соборной.
Перешёл Алексей на кру́тый берег;
С радостию возвеселимшися,
Он злато по нищим разделяет.
Приходит ко божией ко церькви,
Становился Алексей, свет, на папе́рти.
У правой руки возле притвору,
С своей со нищею братьей;
Земные поклоны справляет,
У Господа Бога милости просит:
«Создай ты мне, Господи, влас долгий,
Чтоб отец-мать меня не познали!»
Молился Алексей Богу, трудился;
Красота в лице его потребишася,
Очи его погубишася,
А зренье помрачишася;
Стал Алексей как убогий:
Токмо его единый о́став».
Отец и матерь по нем растужились,
И сия обру́чная его супруга.
Как горько они по нем рыдали,
Яко реку слёз испущали,
Сами жалобно его, света, причитали.
Посылали они рабов его искати:
Рабы же его отъезжали,
По всем по градам его искали;
Рабы же во Одес-град приезжали,
Ко той же ко церькви прихождали,
И тут Алексея не узнали:
Лишь милостину ему воздавали.
У них Алексей принимает,
А Господа Бога прославляет:
«Сподоби Ты меня, Господи, Владыко,
От раб своих милостину взяти,
За своих за рабов Богу молиться!»
Сподобил его Господи Владыко
От раб своих милостину взяти:
У них Алексей принимает,

По нищей по братьи разделяет;
За милостину он Богу молился. —
Молился Алексей во Одесе, трудился,
Семь лет-годов на десяток.
Мать Божия его зрила,
Прогласила во церькви пономáрю:
«Гряди ты, пономарь, на папéри!
Возьми ты святóго в божью церьковь,
Постанови мне его перед престолом!» —
«Свет Пресвятая Богородица!
Я человек пред тобою многогрешный:
Не можно мне святóго приузнати!» —
«Твори ты Иисусову молитву:
Святой тебе сам объявúтся».
Пошёл пономарь, слезно заплакал,
Творил он Иисусову молитву,
Берёт он святóго в божью церковь,
Постановил его перед престолом.
Речéт Пресвятая Богородица:
«О раб ты мой, Божий человече!
Зачем ты ко мне, мой раб, приходишь?
Какой милости у меня просишь?» —
«О свет Пресвятая Богородица!
Пришел я к Тебе, свет, помолиться,
За млáдыя свои лета потрудиться,
К твоему к честному престолу приложиться!» —
«Когда ты пришел мне помолиться,
За млáдыя свои лета потрудúться,
И к моему честному престолу приложиться:
Гряди ты, Алексей, во славен Рым-град!
Отец тебя и матерь не узнают,
И твоя обручная супруга.
Отец и матерь будут у обедни,
И твоя обручная супруга:
Дождамши ты их на переходе,
Прими от них благословенье!»
Сему же Алексей помолился,
За млáдыя свои лета потрудился,
К чéстному к престолу приложился,

Пошёл Алексей вон из церькви. —
Хотел он прийти в ишния страны,
Не хотел пребыть в своем доме,
До конца лет, души преселения.
Приходил Алексей в чи́сто поле,
Подошёл к синему морю,
И садился Алексей в кораблик,
И спущался Алексей на синё море.
Где ни взя́лись буйные ветры,
Понесли Алексея синим морем.
По Божьему всё повеленью
На́ море кораблик поносило,
Ко Рыму ко граду примывало.
Бежал он час через море.
Споведал святой волю Божью.
Приходил Алексей во Рым-град.
Во славном во городе Рыме
Звонили звоны колокольны.
Шёл же Алексей Рымом-градом,
Приходил ко святыим ко воротам,
Ко святой ко божьей церкви.
Отец и матерь идут от обедни,
И сия обручная супруга;
Князь Ефимьян идет ему навстречу,
Идучи во царския в палаты
От святой от божьей от церкви,
Со многими князьями, со боярами,
Со великиим со кре́мненством[4].
Дождамши он их на переходе,
Достойно Алексей им поклонился:
«Ой еси, князь благородный!
Призри́ мя нищаго, странняго!
Не ради моего упрошенья,
Ради души своей на спасенье.
Сострой ты мне, убогому, келью
Возле своей каменной палаты,
Возле своей белой ограды;
Не ради меня, старца, калеки:
Ради своего сына Алексея!»

Князь Ефимьян возрадова́лся,
Горючими слезами обливался:
«Спасёт тебя Бог, человече,
Что ты мне радости возвещаешь,
Про моего сына про Алексея,
Про Алексея, Божья человека!
Я сам про него, света, не знаю,
В которой он стране пребывает,
И где свою душу сохраняет.
Почему же ты моего сына знаешь?»
Рече́т Алексей к князю к Ефимьяну:
«Батюшко, славен Ефимьян-князь!
Мне как твоего сына не знати,
Алексея, Божьего, свет, человека!
В единой мы палатке с ним пребывали,
Единую хлеб-соль мы с ним воскушали,
Единую одежду мы с ним носили,
Единую мы с ним чару пойла распивали,
Мы вместе с ним грамоте учились,
В единой мы с ним пустыне трудились!»
Князь Ефимьян прослезился:
«Ой еси, нищий-убогий,
Ты старец, калика-переходец!
Когда ты про моего сына знаешь,
Алексея, Божьего, свет, человека,
Гряди же ты, убогий, вслед за мною:
Велю я напоить тебя, накормити,
И Христа ради келью построю».
Князь Ефимьян милосердный
Построил князь убогому келью,
Приставил рабов к нему служити,
Келью топити, призирати.
Брали рабы его в лю́бчую братью5,
С радостью за ним ходити,
И келью топить, призирати.
Де́ймон враг возненавиствовал,
Зубами злыми воскрежетоше,
Хотел погубить его терпение.
Рабы же Алексея не взлюбили:

Иные рабы укоряли,
А други́ помоями лили;
Много безчиниев творили,
Плевали, харкали всё на келью.
На то же Алексей не прогневился:
Терпел же святой с благодареньем,
С радостию Алексей нужды принимает,
Князю Ефимьяну не взвещает;
А Господа Бога он прославляет;
За своих за рабов Богу молился. —
Молился Алексей у отца в доме невемым[6],
Кушал на неделе по просвирке,
Во всякой неделе исповедался,
Святыми тайнами приобщался,
Чу́дныим крестом благословлялся. —
Спознал он себе скорую кончину.
Рабов он к князю посылает:
«Сослал бы мне хартиа́л[7] ради кельи!»
Рабы же от князя прихождали,
Бумаги и чернил ему подавали.
Списал Алексей рукописанье,
Списал Алексей своё порождение,
Вели́ко святое умоление,
Списал Алексей вечное извеще́ние[8],
Списал Алексей яко таинство;
Списамши, святой переста́вился. —
Во славном во городе во Рыме
Проме́жду обеден, заутрени,
Исполнил Господь благоухания:
Тимьяном[9] и ладаном запахло
По всему по го́роду по Рыму.
Архиерей сам шёл к обедне,
На своем на месте он становился;
Рече́т он попам, патриархам,
Многим православным христианам:
«Вы ой еси, князья и бояре,
Попы, православные христиане!
Что у нас во Рыме учинилось?
Что пахнет тимьяном и ладонном?

Нет ли во Рыме преста́вленного,
И святых мощей проявле́нных.
Много народу собиралось,
Сходились они в соборную божию церковь,
Всю ночь они Господу молились.
Явился глас им Святого Духа:
«Божьего человека тело исходит!
Ищите вы в доме в Ефимьяновом!»
Тогда царь с патриархом
Свечи и кадила принимали,
Всходили в дом они к князю к Ефимьяну
Со всем с просвещенныим собором;
Нашли они забыдящую10 келью.
Труждающий11 в келье переставился;
В ру́цех он держит рукописание.
Царь ко мощам доступался,
Святым мощам царь поклонился:
«Свет вы, святыя отцы-мощи!
Отдайте своё рукописанье,
Явите мне своё похождение,
А я есмь царь всему миру!»
Царю рукописьмо́ не дало́ся.
Владыко к святым мощам доступает,
Коленом к нему он преклоняет,
За рукописание он принимает:
«Вы свет святыя мощи,
Святыя мощи, проявле́нныя!
Отверзайте святую нам ручку,
Распростай12 своё рукописание!
Яви чудеса свои всему миру!
Ка́к бы нам вас, светов, знати,
По имени бы вас нарекати!»
Дало́сь рукописьмо́ патриарху.
Стал патриарх читати
Чудеса же его всему миру;
Дочёлся любимого сына:
Порождение он князя Ефимьяна,
Имя ему Алексеем,
И матерь его Аглаида;

Повелел им его Господь спознати,
Возлюбленного своего чаду,
Алексея, Божьего, свет, человека;
В зрящий[13] пяток приуспокоился;
Сподобил его им Господь в доме видети.
Великий же славен Ефимьян-князь
До святых до мощей доступает,
Святое лицё его воскрывает:
Просияла красота его, яко от ангела.
«Увы мне, сладчайший мой чадо,
Алексей, Божий, свет, человече!
Какое терпел ты терпение!
От раб своих ты укорение!
До веку мне дал скорбей мучение!
Горе мне оскорбле́нному!
Плачу я, вижу смерть твою!
Чего́ ты мне тогда не явился?
Зачем ты пришел в град — не сказался?
Построил бы я келью не такую,
Ещё бы не в этаком месте:
В своём в княжене́цком в подворье,
Возле бы своей каменной палаты
И возле бы комо́ры жены твоей!
Поил бы, кормил бы я тебя своим бы кусом!
Не дал бы рабам тебя на поруганье!»
Проведала матушка родима,
Матерь его Аглаи́да;
Молилась матерь у народа:
«Дайте мне место, человецы!
Дайте, православные христолюбцы,
Видети сладчайшего своего чаду!»
Дошла до святых мощей, падоше:
«Увы мне, сладчайший мой чадо,
Алексей, Божий, свет, человече!
Не люба́ пустынная твоя келья!
Что́ же мне тогда ты не явился?
Зачем пришёл в град — не сказался?
Чаще бы я в келью прихождала,
Сама бы я келью топила, призирала!

Поила бы, кормила тебя своим кусом!»
Проведала обру́чная княгиня;
Бежит ко святому, сама плачет:
«Свет ты мой, жених обруче́нный,
Святой ты мой князь возлюбле́нный,
Алексей, Божий человече!
Для чего ты жив был — не сказался?
Пота́й бы я в келью прихождала,
Мы вместе бы с тобой Богу молились,
Проме́жду нас был бы Святой Дух!»
Тогда же царь с патриархом
Кладут мощи в гробницу;
Они, с великим князем Ефимьяном,
Понесли святыя мощи погребати.
Несли их три дни и три ночи:
Нельзя их приносити в божью церковь;
Много народу собиралось;
Провожали его князья и бояре,
Многие православные христиане,
Со ярыми[14] со свечами;
Князя Ефимьяна
До святых мощей не допустят.
Повелел князь Ефимьян золото сы́пати
На все на четыре сторони́цы:
Мир же на злато не взирали,
А бегут к Алексею на прощанье.
Явил же Господь своё прощение:
Слепым давал Бог прозрение,
Глухим давал Бог прослышенье,
Безумным давал Бог разум,
Болящим, скорбящим — исцеление,
Всему миру было поможение.
С трудом его, света, погребали
Во славном во городе во Рыме.
Объявил Алексей святую свою славу
Во всю святорусскую землю;
Он Богу был, свет, угоден,
Всему миру он доброхотен;
Угодно он Господу скончался.

Алилуя и слава тебе, Господи еси!

(Кир.)

Калеки перехожие: Сб. стихов и исслед. П. Бессонова, Москва, Ч. 1. — 1861.

1 Достаточно сведущ.
2 Иную.
3 Весьма.
4 Силою, толпою провожатых горожан (от кремник, Burg).
5 Любчая братья — меньшая, нищая братья, называемая также любки.
6 Будучи безвестен, незнаем.
7 Бумаги.
8 Рассказ о веке своем, о жизни и кончине.
9 Фимиамом.
10 Заброшенную, забытую.
11 Трудник, подвижник.
12 Выпусти из руки.
13 Так называется пятница на шестой неделе великого поста.
14 Белого воску; светлыми, яркими.